

М. С. ПЕТРОВА, Л. П. РЕПИНА

УНИФИКАЦИЯ НАРРАТИВА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ*

В статье анализируются доклады, прочитанные и обсужденные 27 февраля 2019 г. на Круглом столе по проблемам унификации нарратива в советской историографии всеобщей истории (ИВИ РАН, Москва).

Ключевые слова: нарратив, всеобщая история, историография, гуманитарное знание

27 февраля 2019 г. в Москве состоялся круглый стол¹ ученых Института всеобщей истории РАН (ИВИ РАН) и исследователей Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Круглый стол был организован в рамках проекта «Унификация нарратива в советской историографии всеобщей истории: трансформация взглядов и научное творчество»².

Это событие вызвало живой интерес у научной общественности и заинтересованных лиц, поскольку участниками мероприятия была принята попытка обсудить многие проблемы, связанные с унификацией нарратива как, собственно, в историографии советской эпохи, так и, шире, в ракурсе сложившихся в то время научных школ. Следует отметить, что докладчики и участники мероприятия были ориентированы на обсуждение проблем, связанных с изучением процесса установления

* Статья написана при поддержке РФФИ (проект № 19–09–00125). На иллюстрации изображен фрагмент плакатной графики на тему «Унификация и стандартизация». – <https://inzheninfo.ru/razdely/konstruirovaniye/konstruirovaniye-uzlov-i-detalej/unifika-tsiya-detalej.html> (май, 2019).

¹ Круглый стол прошел в ИВИ РАН, в Москве. Его организаторами выступили Центр античной истории, Центр гендерной истории и Центр интеллектуальной истории ИВИ РАН, а также ОмГУ им. Ф.М. Достоевского.

² Одна из основных задач проекта – понять соотношение между внешними и внутренними факторами процесса приращения знания в гуманитарной науке. В дальнейшем это будет способствовать не только определению возможностей научного творчества историка в меняющемся мире и в условиях постоянного воздействия на его выбор способов создания исторических трудов, но и, в свою очередь, позволит изучить процесс научного творчества (и научной свободы) в историографии, показать механизмы распространения и пределы влияния унифицирующих нарратив практик, реализуемых в научном сообществе.

единообразия языка и идей историописания в советских исследованиях всеобщей истории, что отчасти было связано с тем, что их рассмотрением (в целом) до сих пор в отечественной и зарубежной науке не занимались, а объективный анализ заменялся стереотипами о советской науке. Ниже приводятся выдержки из ряда докладов³ и дискуссии, сфокусированной на таких темах, как «Исторический нарратив советской и постсоветской эпохи: общее и особенное» и «Единообразие языка и идей историописания в советских исследованиях всеобщей истории».

В докладе С.Б. Криха анализировались основные проблемы использования наработок нарративного анализа для изучения истории советской исторической науки. В первой части сообщения исследователь представил обзор ведущих тенденций в современной отечественной истории науки последних лет, отметив возрастающее внимание в ней к истории учёных (антропологический поворот) и сравнительную слабость интереса к истории текстов (нарративный поворот). Во второй части сообщения, посвященной возможностям применения наблюдений исследователей исторического нарратива к истории советской историографии, им были выявлены основные проблемы в исследовании советского исторического нарратива, разделенные на вопросы как технического формирования текста, так и его содержания.

В докладе Л.П. Репиной обсуждалась роль наследия «русской исторической школы» второй половины XIX – начала XX в. в становлении и развитии советской историографии всеобщей истории. “École russe” (и в специальном, и в более широком понимании этого термина) представляла собой составную часть мировой исторической науки и развивалась на уровне ее лучших достижений, и в раннесоветский пе-

---

³ Темы докладов (приведены по алфавиту): Ашаева А.В. (к.и.н., стажер, РАНХиГС) «Античность в эпоху Холодной войны: унификация исторического нарратива в СССР и США»; Ионов И.Н. (к.и.н., ст.н.с., ИВИ РАН) «Пределы унификации исторического нарратива: возникновение альтернативных подходов в конце 1960-х – 1970-е гг.»; Карпок С.Г. (д.и.н., в.н.с., ИВИ РАН; проф., Российский государственный гуманитарный университет) «Политический нарратив и его влияние на творчество историка: “Меморандум Финкельштейна”»; Крих С.Б. (д.и.н., проф., ОмГУ им. Ф.М. Достоевского) «Унификация нарратива в советской историографии как исследовательская проблема»; Метель О.В. (к.и.н., доц., ОмГУ им. Ф.М. Достоевского) «История Парижской коммуны в советской историографии 1920–1940-х годов: сближение научного и публицистического нарративов»; Петрова М.С. (д.и.н., доц., гл.н.с. ИВИ РАН) «Историко-философская составляющая позднеантичных нарративов и их осмысление в российской историографии»; Репина Л.П. (д.и.н., чл.-корр. РАН, гл.н.с. ИВИ РАН; проф., РГГУ); «Наследие “русской школы” и советская историография всеобщей истории»; Ростиславлева Н.В. (д.и.н., проф., РГГУ) «Создание Германской империи: особенности нарратива советской эпохи»; Тихонов В.В. (д.и.н., в.н.с., ИРИ РАН) «Национальные» истории народов СССР в 1930–50-е гг.: унификация и / или кризис нарративов?».

риод немало носителей и наследников высокой профессиональной культуры, несмотря на тяжелые условия и усиливавшееся внешнее давление, не только выжидали, но и продолжали работать. Особое внимание в докладе было уделено научной и педагогической деятельности ведущих представителей «старой школы» и их публикациям 1920-х – начала 1930-х гг. Была подчеркнута необходимость не только персональных историй историков, но, прежде всего, так и не проделанного в постсоветской научной литературе детального историографического анализа научных работ этого периода, принадлежащих представителям разных направлений. Был поставлен важнейший для адекватных оценок вопрос о соотношении профессионализма и идеологизации как в конкретных научных публикациях, так и в соответствующих направлениях советской историографии разных областей всеобщей истории.

Сообщение В.В. Тихонова было посвящено грандиозному проекту создания национальных (республиканских) исторических нарративов в сталинское время. Обсуждались принципы построения нарративов; их ориентирование (со второй половины 1930-х гг.) на идейную унификацию. Докладчиком также не только анализировались идеологические кризисы нарративов, связанные с радикальным пересмотром основных принципов построения национальных историй, но и предпринимались попытки ответить на вопрос, почему так и не был окончательно создан унифицированный общесоюзный исторический нарратив.

В докладе С.Г. Карпюка обсуждались документы из московских архивов, касающиеся биографии и политической деятельности известного историка древности середины XX века Мозеса Финли (Финкельштейна). Проанализировав «Меморандум Финкельштейна» (1944 г.; пер. на русск. яз. 1945 г.), докладчик показал, в частности, как в этом документе были рассмотрены вопросы американской гуманитарной помощи СССР в годы Второй мировой войны, а также почему и каким образом Финли (в то время он занимал пост исполнительного секретаря Еврейского комитета агентства «Помощь России в войне») подверг резкой критике политику правящих кругов США, перенаправляющих помощь, собранную для СССР, другим получателям. В докладе было также показано, что взгляды, отраженные в этом политическом нарративе, оказали влияние на исторические труды Финли.

В докладе И.Н. Ионова было показано, что основной проблемой унификации дискурса о мировой истории в советской историографии было то, что из замкнутой системы догматического марксизма не было выхода к современным исследовательским подходам; что каждая книга по истории должна была верифицировать теорию исторического материализма, социально-экономических формаций и классовой борьбы; что выводы историка в идеале представлялись как бы дедуктивно выведенными из формул исторического материализма. В итоге создалось проти-

воречие между отстаиваемой властью идеологической нормой и практикой исторических исследований в рамках творческого марксизма. Было также отмечено, что в рамках господствующих марксистских представлений статус конкретно-исторического исследования при повторяющихся попытках его дистанцирования от теории социально-экономических формаций был неясен, не закреплен методологически, не задан как норма, а следовательно, идеологически сомнителен, нелегитимен для советского государства. Были обсуждены попытки изменения этого статуса посредством «вписания» исторической науки в марксизм как самостоятельного направления исследований; дистанцирования ее от догматики, как философской (по М.А. Баргу, общесоциологической, уровень теории формаций), так и конкретно-социологической (законы движения отдельных формаций). В условиях СССР единственной реальной возможностью отстаивания прав истории как науки оставалась попытка (не затрагивая поля исторического материализма как философской и социологической теории) выделить сферу собственно исторического знания как *особый казус*, лишь в конечном счете соотносящийся с формационной схемой. И.Н. Ионов показал, как эта задача была реализована М.А. Баргом и Е.Б. Черняком при создании ими теории формационного региона, а также рассмотрел ее трансформацию в отечественную версию цивилизационного подхода к истории, сохранившую значение поныне.

В докладе О.В. Метель обсуждалось начало процесса формирования (после Революции 1917 г. в России) образов нового революционного прошлого. Ею было показано, что одним из основных событий, признанных предшествующим Октябрьской революции, стала Парижская коммуна 1871 года, и что первоначально история этого феномена широко освещалась в советской публицистике. О.В. Метель обозначила не только начало процесса научного изучения этого события, но и сближение (в 1930–1940-е гг.) научного и публицистического нарративов, связанных с освещением истории Парижской коммуны, в основе которого лежало объединение в рамках научного текста фактологического материала и публицистических оценок.

В выступлении А.В. Ашаевой рассматривался процесс интерпретации античной истории, в контексте начавшейся холодной войны. В частности, ею было не только отмечено, что в 1947–1953 гг. в СССР и США одновременно были предприняты попытки использования образов и фактов из истории античного мира для обоснования политико-идеологического противостояния, но и показано, как подобные попытки нашли свое отражение на страницах двух авторитетных научных журналов – “Classical Journal” и «Вестник древней истории», демонстрирующей схожую политико-ангажированную риторику, которая позволяет сделать вывод о единой направленности унификации исторического нарратива в СССР и США в начальный период холодной войны.

В докладе М.С. Петровой, посвященном позднеантичным нарративам (на примере авторов-энциклопедистов V в.) и их осмыслению в российской историографии в последней четверти XX в., была отмечена сложность проблем переходного периода, вызванная необходимостью рассмотрения двух взаимодействующих культур (как Античности, так и Средневековья). В разные периоды развития исторической науки существовали различные подходы к решению этой проблемы (например, идея преемственности, когда подчеркивалась связь между Античностью и Средневековьем, сущность которой состояла в сохранении элементов античной культуры или отдельных ее частей при переходе к Средневековью; или марксистский подход, направленный на отвержение идеи преемственности, и ориентированный на выдвижение на первый план происходившей по определенным общественным законам борьбы между двумя культурами). В докладе было отмечено, что исследования последней четверти XX в. внесли немалый вклад в развитие российской историографии первого десятилетия XXI в., и более того, они и сейчас являются основополагающими для ученых, стремящихся всесторонне рассматривать важнейшие вопросы, возникающие при изучении творческого наследия авторов-энциклопедистов, и успешно их разрешать.

Как представляется, прочитанные доклады, их обсуждение, а также результаты дискуссий позволят усовершенствовать имеющееся знание в области проблем, связанных с унификацией нарратива в советской историографии всеобщей истории, стимулируя их рассмотрение в исторической перспективе.

Петрова Майя Станиславовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей ИВИ РАН, Москва; Приволжский исследовательский медицинский университет Минздрава России, Нижний Новгород; beionyt@mail.ru

Репина Лорина Петровна, чл.-корр. РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИВИ РАН; зав. кафедрой Теории и истории гуманитарного знания, ИФИ РГГУ; lorinarepina@yandex.ru

Unification of narrative in Soviet historiography Problems and methods of their solution

The article analyzes the reports read and discussed on February 27, 2019 at the Round Table on the Unification of Narrative in the Soviet Historiography of World History (IWI RAS, Moscow).

Keywords: narrative, world history, historiography, the humanities

Maya Petrova, Dr. Sc. (History), Chief Research Fellow (RAS), Institute of World History (Moscow), beionyt@mail.ru

Lorina Repina, Dr. Sc. (History), Chief Research Fellow (RAS), Institute of World History; (Moscow), Professor, Russian State University for the Humanities; lorinarepina@yandex.ru